

Воспоминанія стараго охотника Закавказья.

I.

Моя первая встрѣча съ медвѣдемъ.

Верстахъ въ 25 отъ нашей полковой штабъ-квартиры—Царскіе Колодцы—протекаетъ небольшая рѣка Іора, впадающая въ р. Алазань—притокъ р. Куры. На протяженіи своемъ по теченію съ запада на востокъ рѣка Іора—къ югу и сѣверу мѣстами на 50—60 верстъ—гориста, безлѣсна и совершенно пустынна. Самые же берега рѣки окаймлены частыми и узкими перелѣсками. Въ зимнюю пору долина Іоры полна барантою и другимъ скотомъ кочующихъ номадовъ Закавказья: татаръ, тушинъ, хевсуръ и др. Лѣтомъ же, вслѣдствіе сильныхъ жаровъ въ долинѣ, быстрой засухи и обилія комаровъ, номады скочевываютъ отсюда на возвышенности горъ: къ сѣверу—главнаго Кавказскаго хребта, къ югу—его отрога Мокрыхъ горъ. На смѣну домашнихъ стадъ долина Іоры, перелѣски рѣки быстро наполняются стадами кабановъ и медвѣдями. И странно, что по откочевкѣ отсюда послѣднихъ стадъ скота, звѣрь появляется уже въ перелѣскахъ на слѣдующій же день, какъ будто онъ здѣсь же гдѣ-то вблизи наблюдалъ за уходомъ пастушескихъ стадъ. Но гдѣ же онъ могъ скрываться въ голой, безлѣсной мѣстности? А пробѣжать 50—60 верстъ въ одну ночь изъ царства вѣковыхъ лѣсовъ и тущобъ кавказскихъ хребтовъ, безъ телеграфнаго сообщенія объ уходѣ кочевниковъ, мудрено. Затѣмъ уже съ каждымъ днемъ кабаны и медвѣди все больше и больше прибываютъ въ перелѣски Іоры.

Долина рѣки, возвышаясь надъ уровнемъ Каспійскаго моря

на 200 — 300 фут. съ разсѣянными по ней сыпучими глинисто-солонцовыми возвышенностями, замѣчательна, какъ по отсутствію въ ней зимнихъ снѣговъ, такъ и страннымъ сочетаніемъ растительнаго царства юга и сѣвера. Напримѣръ, въ перелѣскахъ Юры растеть въ изобиліи дикая груша, яблоня, виноградъ, ладоновое дерево и тутъ же, на низенькихъ пригоркахъ, малорослая корявая сосна, ель, ползучій можжевельникъ, барбарисъ. Поверхностный грунтъ долины всюду глинисто-солонцовый, въ лѣтнюю сухую пору гладкій и крѣпкій, какъ каменная плита, въ дождь растворяющійся въ жидкую грязь. Возвышенности долины также глинисты, съ прослойками рыхлаго песчаника, мѣстами съ обильнымъ содержаніемъ минеральныхъ солей, тающихъ во время дождей и потому часто образующихъ то узкія и длинныя щели, то круглыя и глубокія ямы въ родѣ колодцевъ, имѣющихъ иногда выходы или прорывы у самой подошвы горы. Единственная травяная растительность долины, за исключеніемъ лѣсной полосы, — рѣденькій, чахлый полынокъ съ еще болѣе рѣдкими кустиками волжанки. А между тѣмъ въ описываемую пору сороковыхъ годовъ эта голая и жалкая на видъ долина была такъ обильна пасущимися на ней стадами дикихъ джейрановъ (сайгакъ), а горы, буквально, покрыты массами каменныхъ курочекъ. Узкая полоса Юрскаго лѣса, кромѣ кочевавшаго въ ней крупнаго звѣря, всегда полна была мѣстною дичью: фазанами, турачами, зайцами. Теперь, черезъ промежутокъ сорока съ небольшимъ лѣтъ, это богатство дичи замѣтно порѣдѣло: стада джейрановъ значительно поуменишились, фазаны также, звѣрь кочуетъ далеко уже не въ прежнемъ изобиліи, а турачи, эта вкуснѣйшая дичь Кавказа, почти исчезла въ Юрской долинѣ. Хищническое истребленіе дичи охотниками-промышленниками изъ отставныхъ солдатъ-поселянъ и ихъ потомства, а также и туземцевъ, искусившихся уже въ стрѣльбѣ на лету, и высокія цѣны на дичь въ столицѣ Кавказа — Тифлисѣ, усердно служатъ краю быстрымъ уничтоженіемъ всякой дичи. Кромѣ того, постепенно, годъ отъ году увеличивающіяся въ странѣ стада домашняго скота, вмѣстѣ съ естественнымъ приростомъ населенія, окончательно вытѣсняють отовсюду все живое дикое. Мѣстное населеніе туземцевъ, не

дѣлая никакихъ запасовъ корма для своихъ многочисленныхъ стадъ на зиму, питають животныхъ вѣтвями лѣса, уничтожая повсемѣстно не только молодякъ, но не щадя и старыхъ вѣковыхъ деревьевъ дубняка и граба, а порою и фруктовыхъ старыхъ деревьевъ, изобилующихъ омелью.

Весна 46 года была ранняя, и травка поднялась уже значительно, слѣдовательно, можно было предполагать, что номады откочевали уже со своими стадами, а ихъ замѣстители — кабаны и медвѣди — должны быть уже на Юрѣ; мы вдвоемъ съ братомъ Николаемъ рѣшили въ концѣ апрѣля отправиться туда. Моею мечтою было поохотиться на медвѣдя, съ которымъ мнѣ еще не доводилось встрѣчаться на моихъ охотахъ.

Пріѣхавъ на Юру въ урочище Эльдаръ, мы заняли станъ въ такъ, называемомъ, Грушевомъ, углу, на берегу рѣки, вѣтвни громадныхъ грушевыхъ деревьевъ. Лѣсъ Юры благоухалъ ароматомъ цвѣтущихъ деревьевъ и каприфолія и наполненъ былъ шумнымъ пѣніемъ тысячей пернатыхъ. На окраинахъ лѣса громко и азартно перекликались турачи, въ лѣсу — фазаны, а на ближайшихъ горахъ стономъ стояла неумолкаемая трескотня каменныхъ курочекъ. Весь живой свободный міръ Божій шумно и радостно встрѣчалъ теплую, благодатную и богатую весну юга.

Вскорѣ на дымокъ нашего костра явился къ намъ нашъ знакомый татаринъ Кярымъ и сообщилъ намъ, что стада номадовъ ушли уже въ Мокрыя горы, что въ лѣсу много кабановъ и медвѣдей, и что первые даже и днемъ пасутся въ лѣсу. Такія вѣсти, конечно, порадовали насъ, и мы поторопились закусить и тронуться на поиски въ сопровожденіи Кярыма и моего старого гончака «Цимбала». Не прошли мы еще отъ стана и полверсты, какъ Кярымъ вдругъ пріостановился и шепотомъ заговорилъ, указывая рукою впередъ: «Смотри, смотри! кабанъ, кабанъ!» Я еще не успѣлъ разглядѣть ничего, но братъ Н. подтвердилъ, что и онъ видѣлъ 5 — 6 штукъ кабановъ, скрывшихся въ густую чащу ежевичника. Нечего было медлить. Братъ и Кярымъ побѣжали окольно на противоположную сторону чащи, а я пріостановился и придержалъ «Цимбала». Когда мои товарищи установились за чащею,

тронулся и я съ «Цимбаломъ» и сталъ потихоньку направлять собаку къ чащѣ. Старый, опытный гончакъ быстро помчался впередъ и вскорѣ громко залаялъ. Смѣтили ли кабаны, что они окружены, или лай собаки былъ для нихъ не страшенъ, только они не трогались. «Цимбалъ», озлобленно усиливая лай, замѣтно углублялся въ чащу. Наконецъ минутъ черезъ десять кабаны загудѣли угрожающе, страшно захрюкали и разомъ бросились все въ мою сторону. Шагахъ [въ 15-ти отъ себя я свалилъ пулею подъ ухо передового огромнаго кабана, вторымъ же выстрѣломъ картечью опрокинулъ 2 — 3 годовалую свинку, которая, однакожъ, пролежавъ немного, вскочила на ноги и быстро понеслась за стадомъ. Пославъ Кярыма за повозкою и отправивъ кабана на станъ, мы пустились на розыски раненой свиньи. Сначала по слѣду крови было много, потомъ становилось все меньше и меньше, и мы потеряли слѣдъ. Голосъ «Цимбала», угнавшего стадо, чуть былъ слышенъ; онъ нескоро возвратился къ намъ. Отдохнувъ немного, мы тронулись дальше. «Цимбалъ» поднялъ зайца, проскочилъ другой, третій. Кярымъ заявилъ намъ, что тутъ нельзя уже ожидать крупнаго звѣря, поэтому мы перезарядили ружья дробью и, пока окраиною лѣса дошли до стана, убили съ братомъ шесть штукъ зайцевъ, а Кярымъ — сидячаго турача.

Утромъ на другой день, во время нашего ранняго чая, на деревья близъ стана стали налетать витютни (вахири). Мы рѣшили повыстрѣлять въ нихъ наши дробовые заряды и вновь пуститься въ глубь лѣса за звѣремъ. Подкрадаясь къ дереву, на которомъ сидѣло нѣсколько витютней, и смотря все вверхъ на птицу, я вдругъ почувствовалъ подъ ногою что-то очень мягкое и скользкое; быстро отшатнувшись, я увидѣлъ свѣже снятую свиную шкуру. Окликнувъ брата и осмотрѣвъ находку, мы нашли въ ней въ лѣвомъ боку пять картечныхъ пробоинъ. Ясно было, что это шкура моей вчершней свинки. Но кто потрудился снять съ нея шкуру и куда дѣвались мясо и кости? Кярымъ разъяснилъ намъ, что свинку съѣли медвѣди, и, дѣйствительно, тутъ же, на мягкой землѣ вокругъ шкуры свиньи, мы разглядѣли отпечатки большихъ, среднихъ и маленькихъ слѣдовъ медвѣжьихъ лапъ. Понятно

стало, что тутъ пировала цѣлая семья медвѣдей. Это открытіе сильно взволновало насъ и заставило поторопиться промывкою ружей и сборомъ на розыски пировавшей семьи. Только нашъ Кярымъ далеко не раздѣлялъ нашего восторга; во время нашихъ сборовъ онъ угрюмо сидѣлъ у костра и молчалъ, посматривая на насъ исподлобья. На мой вопросъ: заряжена ли у него винтовка, Кярымъ какъ-то нервно отвѣтилъ:

— Что винтовка!... развѣ одинъ стволъ можно стрѣлять медвѣдь?... Онъ много разорвалъ нашъ человѣкъ.

Ясно было, что Кярымъ крѣпко трусилъ встрѣчи съ медвѣдемъ. Неохотно поднявшись отъ костра влѣдъ за нами, Кярымъ направился влѣво къ опушкѣ лѣса, братъ К. шелъ серединою, а я справа, самою чащею. Условлено было держаться другъ друга не далѣе 200 — 300 шаговъ. ориентируюсь при помощи моихъ свистковъ. Менѣе версты отъ стана, въ чаще противъ брата раздался громкій лай собаки. Я торопливо подался впередъ, чтобы окружить мѣсто, рассчитывая, что и Кярымъ сдѣлаетъ то же самое. Когда голосъ «Цимбала» «на мѣстѣ» слышался у меня уже слѣва, я остановился. Вдругъ собака неистово взвизгнула, а потомъ взревѣла хрипло, какъ будто ее душатъ, и тутъ же раздался сильный медвѣжій ревъ въ нѣсколько басовыхъ, теноровыхъ и дискантовыхъ голосовъ. Несмотря на мое страстное желаніе встрѣтиться съ медвѣдемъ, такой широкой и оглушающей концертъ произвелъ на меня далеко не бодряющее впечатлѣніе: я жаждалъ видѣть и стрѣлять медвѣдя, но отнюдь не вызывалъ на бой цѣлую ихъ армію. Медвѣди продолжали реветъ, казалось, по крайней мѣрѣ, въ дюжину голосовъ. Мой бѣдный «Цимбалъ» уже замолкъ... «Конечно,—думалось мнѣ,—звѣри задушили, разорвали его!»... Въ короткомъ раздумьѣ, что теперь дѣлать, у меня мелькнула мысль, какъ бы медвѣди не направились на юнаго брата, или онъ по неопытности не приблизился къ нимъ,—я поспѣшилъ въ сторону страшнаго концерта, который понемногу сталъ уже стихать; только одинъ басовой голосъ продолжалъ еще свои сердитыя рулады уже очень близко отъ меня и моментально смолкъ. Зорко всматриваясь впередъ и догадываясь, что «соло» такъ внезапно прервалось именно

потому, что солисть замѣтилъ мое приближеніе, я разглядѣлъ за кустикомъ, шагахъ въ 150-ти, огромнаго бураго медвѣдя, смотрѣвшаго на меня исподлобья. Какъ-то невольно согнувшись, какъ бы желая скрыть себя, я медленно подавался впередъ. Медвѣдь сердито рывкнулъ и двинулся ко мнѣ навстрѣчу, продолжая злобно рычать. Такимъ образомъ, мы оба медленно подходили другъ къ другу. Шагахъ въ 30-ти отъ медвѣдя я почтительно сталъ на одно колѣно и прицѣлился: пора было пустить первую пулю, чтобы, въ случаѣ пораненія или промаха, успѣть сдѣлать второй неспѣшный выстрѣлъ. Грянулъ мой вѣрный лепажъ, медвѣдь рывкнулъ, взвился на дыбы и скрылся за колодой дерева. Мнѣ вообразилось, что медвѣдь пустился отъ меня наутекъ, я кинулся впередъ, но за колодою Мишенька лежалъ уже на боку и въ предсмертныхъ судорогахъ рвалъ лапами землю. Я подалъ призывный окликъ брату.

Конечно, торжество мое было полное, если бы оно не омрачилось гибелью моего дорогого, вѣрнаго «Цимбала». Какъ-то же были мое удивленіе и радость, когда за подходившимъ ко мнѣ братомъ я увидѣлъ свою собаку, совершенно бодро ковылявшую на трехъ ногахъ, — у нея была только небольшая рана на правой передней лапѣ. Убитый звѣрь оказался медвѣдицей изъ породы крупныхъ стервятниковъ; ея полные соски и сытый животъ обличали въ ней мать той семьи, которая полакомилась раненою мною свинкой; слѣдовательно, концертъ былъ только квартетомъ убитой медвѣдицы, ея пестуна и двухъ сосуновъ.

Я сталъ окликать Кырма, но онъ не отзывался. «Удралъ, думаю себѣ, — отъ страшнаго концерта», но когда, послѣ нѣсколькихъ моихъ окликовъ, подалъ свой голосъ и братъ, то Кырымъ отозвался недалеко отъ насъ и какъ будто съ какой-то высоты. Оказалось на повѣрку, что бѣдный татаринъ взобрался на вершину большого дерева, чтобы обезопасить себя отъ медвѣжьихъ объятій. Онъ явился къ намъ очень блѣднымъ и взволнованнымъ. Увидѣвъ убитую медвѣдицу и ахнувъ, Кырымъ поспѣшно проговорилъ:

— Молодецъ твоя! Ухъ, какой большой! Кто убилъ? — и не ожидая отвѣта, продолжалъ. — Я видѣлъ медвѣдь еще

больше, такой большой, такой большой, и онъ показалъ рукою выше себя,—я очень испугалъ, лѣзалъ на дерева...

Нѣтъ сомнѣнія, что Кярымъ могъ видѣть только пестуна, удиравшаго отъ своей семьи, но... у страха глаза велики!

Освѣжевавъ медвѣдицу и навьючившись ея саломъ и шкурою, мы потянулись къ стану, гдѣ ожидали насъ вкусныя щи изъ кабанины и великолѣпный шашлыкъ изъ его печени, а Кярымъ на вертелѣ жарилъ своего турача. Вытянувъ добрый стаканъ водки, татаринъ нашъ замѣтно пріободрился, повеселѣлъ и, часто повторяя: «Ухъ, какой медвѣдь, какой медвѣдь!» — высказался, наконецъ, откровенно:

— Я думалъ,—сказалъ онъ, обращаясь къ брату,—что медвѣдь съѣлъ тебя: ружье стрѣлялъ одинъ разъ, послѣ твой братъ все кричалъ, кричалъ, а ты молчалъ. Когда ты закричалъ, я очень радовался...

Напуганный медвѣдами татаринъ мои оклики счелъ, вѣроятно, за призывъ къ помощи и потому продолжалъ сидѣть молча на деревѣ (своя рубашка ближе къ тѣлу), и только тогда рѣшился оставить свое убѣжище, когда по оклику брата понималъ, что мы оба цѣлы.

Жалко было такъ скоро оставлять такую богатую охоту, но жара могла попортить набитую дичь, да и добыча наша на два ружья не могла считаться скудною, и мы весело покатались домой, рассчитывая еще и дорогою пострѣлять горныхъ курочекъ.

А. Ш.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Воспоминанія стараго охотника Закавказья.

(Продолженіе).

II.

Охота на Алазанской долинь.

— Такъ что же, ѣдемъ? — обратился ко мнѣ, какъ къ старшему, братъ Николай.

— Конечно, ѣдемъ.

— Но вѣдь намъ придется разбить станъ у самой Алазани, такъ какъ на равнинѣ воды нѣтъ, поэтому слѣдовало бы взять съ собою и твою охотничью команду и гончихъ.

— А не будетъ ли это погоня за двумя зайцами? — спросилъ я.

— Почему же? Вы съ Константиномъ (младшій братъ) можете охотиться по полю за «воробьями» *), а я съ командою поштудирую лѣсные уголки.

— Да, пожалуй, именно бы взять и гончихъ, — поддакнулъ и Константинъ.

Бесѣда эта шла у насъ, какъ помнится, въ декабрѣ 47 года по случаю сообщенія одного стрѣлка-охотника моей команды, что на Алазанской равнинѣ страшный пролетъ стрепетовъ и дрофъ. Въ тотъ же день, вечеромъ, команда съ гончими выступила на Алазань, а съ разсвѣтомъ на другой день выѣхали за ними и мы втроемъ.

Утро было ясное, свѣжее, морозное, заставившее насъ под-

*) Братъ Николай не долюбливалъ охоту по перу и, странно, плохо стрѣлялъ птицъ, а по звѣрю рѣдко давалъ промахъ.

нять воротники пальто и плотнѣе закутаться бурками. Добрая тройка быстро мчалась по морозу. Скоро мы спустились въ обширную Алазанскую равнину и, жадно вглядываясь въ даль, почти разомъ вскрикнули отъ восторга, завидѣвъ впереди цѣлыя тучи какихъ-то птицъ, носившихся по равнинѣ. Вскорѣ затѣмъ послышались и отдаленные выстрѣлы нашихъ охотниковъ. Ясно было, что видимыя нами «тучи» были стрепеты и дрофы. Кучеръ тронулъ лошадей, и мы скоро очутились настолько близко къ этимъ тучамъ, что ясно видѣли кругомъ летающихъ и сидящихъ во множествѣ дрофъ и стрепетовъ. Приказавъ кучеру ѣхать потихоньку вслѣдъ за нами, мы разошлись по равнинѣ цѣпью. Густая трава равнины и высокіе бурьяны, мѣстами съ большими плѣщинами на солончакахъ, густо усѣянныхъ сидящею птицею, позволяли подкрадываться къ ней въ мѣру выстрѣла, и пошла пальба. Масса птицъ носилась во всѣхъ направленіяхъ, въ воздухѣ слышался неумолкаемый шумъ и свистъ отъ полета стада, непрерывно по степи раздавался нашъ окликъ другъ другу «береги!», и изъ пролетающаго стада кувыркомъ падали на землю убитыя птицы. Пріятно охотнику снять съ высоты стрепета, но ударъ о землю тяжелой дрофы эффектиѣ. Шедшія за нами дроги быстро наполнялись дичью. Ближе къ лѣсу Алазани стрепеты и дрофы порѣдѣли, зато изъ высокой и густой стерни стали выпархивать почти изъ-подъ ногъ фазаны; мы, конечно, и имъ не давали пощады, и результатомъ нашей 5—6 часовой охоты по пути было до 60 штукъ стрепетовъ, 8 дрофъ и дюжина фазановъ.

Пріѣхавъ на станъ, мы расположились у подножія громаднаго дуба, а на противоположномъ развѣсистомъ грабѣ вывѣсили нашу дичь, красиво расположивъ ее по вѣткамъ дерева. Смѣсь цвѣтовъ оперенія пестро-сѣрыхъ стрепетовъ и дрофъ съ золотистыми фазанами, пополненная еще нѣсколькими свѣтло-синими витютнями, убитыми нашими охотниками, составляли дивный и грандіозный букетъ.

Развели костры, вынули закуску, заварили чай. Пирожки и жареная баранина послѣ 15-верстнаго моціона, конечно, оказались очень вкусными, чай — ароматнымъ, какъ никогда дома. Пошли восторженныя рассказы объ удачныхъ выстрѣ-

лахъ, о прекрасномъ боѣ ружей, словомъ, наше общее настроеніе и духъ были полны той радости и благодати, которыя вполнѣ понятны только однимъ охотникамъ, какъ любителямъ и дѣйствительнымъ цѣнителямъ и охоты, и широкаго простора всегда прекрасной природы. Много лѣтъ прошло уже съ той счастливой поры, а и до сихъ поръ ясно и радостно рисуется передо мною нашъ дивный алазанскій станъ. Теперь у насъ за Кавказомъ давно уже нѣтъ ни того обильнаго прилета и пролета птицы, ни той массы фазановъ и прочей мѣстной дичи, ни звѣря... Куда все подѣвалось?!...

Ночь спали мы такъ сладко, какъ только могутъ спать опять-таки одни только охотники послѣ удачной, обильной стрѣльбы и моціона въ десятки верстъ на чистомъ воздухѣ. Проснулись все-таки при первыхъ брызгахъ разсвѣта: намъ предстояла охота съ гончими, какъ мы порѣшили съ вечера. Чай былъ готовъ; солдатики кушали свою кашу.

Прямо со стана доѣзжачій съ гончими направился въ одну сторону, къ извѣстному Черемшинову углу, стрѣлки — въ другую. Цѣпь еще не успѣла разставиться полностью, какъ начался дружный и горячій гонъ всей стаи, направлявшійся къ цѣпи стрѣлковъ, но потомъ онъ закосилъ къ рѣкѣ. Я побѣжалъ къ берегу и увидѣлъ рѣдкую картину: по самой срединѣ рѣки быстро плылъ огромный рогаль-олень, а за нимъ и вокругъ него вся стая гончихъ. Высокіе, обрывистые берега той и другой стороны Алазани не давали выхода изъ рѣки, только далеко впереди виднѣлась на противоположномъ берегу большая коса. Рогаль плылъ чрезвычайно картинно: то легко поднимаясь изъ воды половиною своего корпуса, то скрываясь въ водѣ и оставляя на поверхности только одну голову съ лѣсомъ расвѣсистыхъ роговъ. Сопровождавшая его музыка гончихъ была необыкновенно звучна, вслѣдствіе большого резонанса, отражавшагося въ вѣковомъ лѣсу обоихъ возвышенныхъ береговъ рѣки. Разстояніе отъ нашего берега до середины рѣки небольшое — шаговъ 50—60, но стрѣлять по оленю было невозможно, такъ какъ кольцо гончихъ окружало его вплотную, и даже нѣкоторые изъ смѣлѣйшихъ собакъ непрерывно касались хвоста и спины звѣря, заставляя его глубже погружаться въ воду и размахами роговъ отпугивать назойливыхъ

преслѣдователей. Всѣ мы охотники бѣжали по берегу за уплывавшей добычей, но густой лѣсъ мѣшалъ намъ, и олень замѣтно удалялся отъ насъ. Вотъ онъ уже близко къ косѣ, направился прямо на нее, поднялся изъ воды всею переднею частью... Уйдетъ добыча!... Но въ этотъ моментъ съ нашей стороны раздался звучный, отчетливый выстрѣлъ, и олень уже на берегу рѣки взвился на дыбы и опрокинулся въ воду. Выстрѣлъ этотъ былъ брата Константина, который, стоя въ пересадѣ послѣднимъ у самаго берега рѣки, вовремя понявъ направленіе хода оленя, поспѣшилъ къ косѣ и мѣткимъ выстрѣломъ на 120—130 шаговъ *) свалилъ рогаля. Двое молодцовъ солдатъ-охотниковъ, быстро раздѣвшись, поплыли къ оленю и переправили его на нашу сторону. Олень имѣлъ на рогахъ по семи отростковъ и былъ изъ крупной породы «королевскихъ» оленей. Въ слѣдующихъ двухъ гаяхъ мы убили еще пару небольшихъ кабановъ и козла. Вечеромъ у солдатиковъ кипѣли котлы съ свиной; собакамъ тоже варилась обильная каша, а грабъ съ дичью украсился новыми крупными трофеями.

Утромъ на слѣдующій день, на обратномъ пути домой, было убито еще двѣ дрофы и съ десятокъ стрепетовъ. Дороги нагрузились дичью такъ, что негдѣ было присѣсть, и оленю пришлось служить намъ диваномъ. Тройка еле тащилась шагомъ.

III.

Охота въ за-алазанскихъ лѣсахъ и расправа со мною кабана.

Лезгинская кордонная линія, тянущаяся у самой подошвы главнаго Кавказскаго хребта съ южной его стороны въ длину верстъ на 70 и въ ширину верстъ на 20—30, съ самыхъ вершинъ хребта и вплоть до лѣваго берега рѣки Алазани, протекающей здѣсь параллельно хребта, покрыта сплошными вѣковыми труппными лѣсами, частыми мочажинниками и

*) Не забывайте, читатель, что въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, охотники не знали ни скорострѣльнаго, ни нарѣзного оружія, а пользовались лишь шомпольными гладкоствольными ружьями.

густыми камышами. Эта мѣстность и до сихъ поръ славится у насъ обиліемъ всякаго звѣрья: кабановъ, оленей, медвѣдей, козъ, рысей, волковъ и особенно шакаловъ, а на горахъ часто попадаются барсы, много туровъ, козъ разнаго рода, чернбурыхъ лисъ и проч.

Въ эти-то богатые лѣса однажды, въ зимнюю пору, я направился со своею охотничьею командою и восьмью сворами гончихъ. Заняли станъ въ мѣстности, названной охотниками Большіе талы. Два дня охотились довольно удачно, а на третій рѣшили тронуть самое гнѣздо кабановъ—густую и мокрую трупобу мочажинниковъ.

Разставивъ стрѣлковъ, я подалъ сигналъ пускать собакъ.

Минуть черезъ 10—15 послѣ отвѣтнаго сигнала гайщика, въ глуши лѣса раздался лай «Агласа», самого большого и свирѣпаго гончака моей стаи, на мѣстѣ. Къ нему стали подваливать другія гончія. Лай усиливался все больше и больше и, наконецъ, слился въ азартный ревъ всей стаи. Звѣрь, какъ видно, не трогался съ мѣста. Гайщикъ, направляясь къ стаѣ, громко покрикивалъ, подбодряя гончихъ. Вдругъ собаки, неистово завизжавъ, смолкли. «Агласъ» снова забасилъ, а за нимъ и вся стая дружно заговорила. Потомъ опять визгъ и еще болѣе азартный лай. Эти нѣсколько разъ повторявшееся взвизгиваніе собакъ и слишкомъ азартный натискъ ихъ ясно показывали, что найденный звѣрь былъ крупный одипецъ-кабанъ, для клыковъ котораго не страшны были гончія; онъ грозно распугивалъ ихъ, но не уходилъ съ логова. Гайщикъ, приблизившись къ самой чащѣ и выстрѣливъ изъ ружья холостымъ зарядомъ, заоралъ во все горло: «Ухъ, бери его! бери, собачки!» Звѣрь тронулся, и стая залилась слѣдомъ.

Гонъ шелъ прямо на меня, потомъ началъ сворачивать влѣво; я стоялъ вторымъ стрѣлкомъ съ праваго фланга, первымъ же былъ мой любимецъ солдатикъ Андреичъ, страстный охотникъ и отличный стрѣлокъ. Гонъ приближался къ нему. Съ замѣраніемъ сердца ожидалъ я надежнаго выстрѣла Андреича; голоса собакъ и трескъ по лѣсу раздавались уже очень близко, и вдругъ на самой линіи нашей цѣпи гонъ моментально прервался. Звѣрь, проскочивъ незамѣченнымъ по густой чащѣ за цѣпь, повернулъ къ намъ вдоль цѣпи подъ прямымъ угломъ,

и собаки пронеслись. Смотри въ сторону фланговаго, стоявшаго отъ меня шагахъ во ста, я увидѣлъ Андреича, цѣлившаго изъ-за валежины въ тылъ нашего пересада, а по направленію ружья—и предметъ прицѣла: огромнѣйшаго кабана, бѣжавшаго мелкою рысцою параллельно нашей цѣпи, къ лѣвому флангу, шагахъ въ 80 отъ Андреича. Раздался выстрѣлъ, кабанъ фукнувъ съ силою паровика, быстро повернулся въ нашу сторону и сталъ какъ вкопанный. Такой странный маневръ звѣря я видѣлъ въ первый разъ. Обыкновенно кабанъ, раненый при первомъ выстрѣлѣ, всегда бросается стремительно впередъ по принятому направленію, и только раненый раньше, при новомъ выстрѣлѣ въ него, бросается часто на дымъ ружья; но чтобы здоровый звѣрь остановился при первомъ выстрѣлѣ по немъ и такъ нагло высматривалъ своего врага,—это было уже явленіемъ небывалымъ и характеризовало въ этомъ кабанѣ рѣдкій по своей дерзости экземпляръ. Опытный Андреичъ тихо опустилъ голову за валежину и, вѣроятно, затаилъ дыханіе, въ виду угрожающей опасности при одноствольномъ ружьѣ; мнѣ же стрѣлять было слишкомъ далеко. Собаки кинулись на выстрѣлъ, и кабанъ, грозно хрюкнувъ, тронулся впередъ тою же неспѣшной рысью вдоль линіи; затѣмъ снова круто повернулъ направо, прорвался незамѣтно черезъ пересадъ обратно въ гай и шагахъ въ 300 отъ меня остановился въ чащѣ. Гончія опять заорали на мѣстѣ. Снова раздался визгъ ихъ, разъ и другой. Гонъ сталъ рѣдѣть и, наконецъ, смолкъ совершенно. Замученная и напуганная стая бросила звѣря, только дерзкій «Агласъ» не отставалъ и продолжалъ басить на мѣстѣ. Опасаясь, что и «Агласу» наскучить бесполезная брехня, я, избалованный своими прежними удачами, рѣшилъ двинуться впередъ на голосъ собаки. Пройдя шаговъ полтора и приблизившись къ густой чащѣ, я остановился и сталъ высматривать мѣстность. «Агласъ» стоялъ на небольшой полянкѣ, шагахъ въ 50, задомъ ко мнѣ, и злобно подлаивалъ. Конечно, я предположилъ, что кабанъ скрывается въ томъ направленіи, куда смотритъ собака, слѣдовательно, мнѣ надо подходить прямо къ ней, но густая чаща не позволяла мнѣ пройти къ собакѣ, а нужно было проползти сажени двѣ по грязи узень-

кимъ корридоромъ звѣринаго лаза. Я сталъ на четвереньки, просунулъ подальше на сухое мѣсто ружье, но въ тотъ же моментъ услышалъ близко съ правой стороны страшное «хрю, хрю» и не успѣлъ еще схватить ружья, какъ кабанъ налетѣлъ на меня молніей и могучимъ ударомъ въ грудь отбросилъ далеко въ сторону. Моментально подскочивъ ко мнѣ, онъ направилъ въ бокъ свои страшные клыки; я успѣлъ подставить ему ногу и получилъ въ нее сильный ударъ. Перескочивъ черезъ меня и направляя свои клыки на новый ударъ, мой мучитель такъ сильно толкнулъ меня своимъ могучимъ «пяткомъ», что я пролетѣлъ на спинѣ по грязи сажени двѣ... Тогда побѣдитель тою же легкой рысцою направился отъ меня въ лѣсъ. Вскочивъ на ноги, я поторопился къ ружью, взвелъ курки и сталъ въ выжидательной позѣ. Но кабана не было видно; скрылся куда-то и мой храбрый «Агласъ». Въ это время подошелъ ко мнѣ Андреичъ.

— Ваше благородіе, вы не ранены?

— Нѣтъ, кажется...

— Да вотъ у васъ кровь вездѣ.

Я осмотрѣлся и увидѣлъ себя дѣйствительно забрызганнымъ кровью, перемѣшанною съ кусками пѣны. Пѣна и кровь на мнѣ, какъ въ послѣдствіи выяснилось по слѣду звѣря и обильной крови на кустахъ, были изъ раны кабана, прострѣннаго пулею Андреича въ животъ навывлетъ. При дальнѣйшемъ осмотрѣ пальто мое оказалось на груди разрѣзаннымъ, какъ бритвою, вершка на три, бѣлье же было цѣло, и боли я не чувствовалъ никакой; но, повернувшись, я вдругъ ощутилъ жгучую и сильную боль въ лѣвой ногѣ и, съ трудомъ поднявши ее, увидѣлъ на сапогѣ большой разрывъ голенища, на вершокъ выше щиколотки, и обильно текущую оттуда кровь. Тогда только я убѣдился, что нападеніе кабана обошлось мнѣ не даромъ. Ногу страшно жгло и ломило. Разувшись и перевязавъ рану, изъ которой торчалъ большой кусокъ моего мяса, я почувствовалъ себя страшно обезсиленнымъ. Заныло какъ-то и во всемъ организмѣ, вѣроятно, отъ не деликатныхъ толчковъ кабана. Собаки по-одиночкѣ со всѣхъ сторонъ соби-
рались къ намъ и, тяжело дыша, разлеглись кругомъ; изъ нихъ еще три штуки оказались легко ранеными. Сошлись и

охотники. Болѣе горячимъ изъ нихъ хотѣлось окружить чащу, гдѣ залегъ кабанъ, но въ виду остервенѣнія звѣря и неудобной густой чащи, подвергавшей большой опасности не только собакъ, но и насъ охотниковъ, я рѣшилъ не трогать врага, предоставивъ его собственному медленному издыханію, такъ какъ рана его была, конечно, смертельною. Дичи у насъ было набито въ предшествовавшіе дни охоты много: 8 кабановъ и два козла. Слѣдовало подумать о своей ранѣ и о помощи раненымъ собакамъ, поэтому мы направились къ стану. Двое охотниковъ поддерживали меня подъ руку, такъ какъ я не могъ уже ступать раненой ногой.

Тутъ мнѣ припомнились рассказы охотниковъ, что раненый одинецъ-кабанъ, бросаясь на человѣка, наноситъ только одинъ ударъ, верѣдко и смертельный, распарывая животъ или перерубая ребра, ноги своей жертвы, а я получилъ отъ пріятеля три удара; къ счастью, первый и послѣдній были хотя и не легки, но безвредны, и только второй ударъ въ ногу оставилъ мнѣ хорошую памятку. Впослѣдствіи я убѣдился на случаяхъ съ другими охотниками, что разъяренный звѣрь иногда не скупится на удары и наноситъ ихъ своей жертвѣ по нѣскольку, какъ это и случилось, вскорѣ же послѣ моего пораженія, съ прапорщикомъ М. (да проститъ мнѣ дорогой товарищъ за щекотливое воспоминаніе), давшимъ по кабану два блестящихъ промаха. М. былъ сброшенъ кабаномъ въ болото, втоптанъ въ грязь и рубленъ до тѣхъ поръ, пока мѣткая пуля другого стрѣлка не уложила звѣря на несчастномъ М., чуть не задохшимся въ грязи. Топкое болото спасло его отъ пораненій, но торба, пальто и вся одежда М. были изорваны въ клочки.

Грубая расправа со мною кабана послужила мнѣ хорошимъ урокомъ въ будущемъ. До этого случая лай гончихъ на мѣстѣ всегда сильно возбуждалъ меня, и я, пользуясь своими, тогда еще молодыми ногами, немедленно же спѣшилъ къ логову, если только позволяла моя позиція въ пересадѣ. Подкравшись осторожно къ лающей стаѣ, я часто убивалъ звѣря въ самомъ логовѣ; случалось также не разъ, что кабанъ, смѣтивши меня раньше, бросался на меня, но счастливый выстрѣлъ избавлялъ всегда отъ знакомства съ его страшными клыками. Но на

этотъ разъ я поплатился за свою страсть и неумѣстную прыткость шестинедѣльнымъ лежаніемъ въ постели и на будущее время далеко уже не такъ ретиво спѣшилъ къ гончимъ, подлаивающимъ на мѣстѣ.

Такъ какъ описанный здѣсь казусъ и все послѣдующее въ текущемъ разсказѣ. случилось со мною давно уже, въ ранней молодости, а изъ всего прошлаго яснѣе всего помнится только все хорошее, да и самое шероховатое и непріятное тогда теперь въ воспоминаніяхъ получаетъ не столь сѣрую окраску, то я ужъ кстати, для полноты картины, подъ защитой бравой нашей поговорки: «быль молодцу не укоръ», разскажу здѣсь и мою первую охоту послѣ алазанскаго погрома.

Оправившись отъ болѣзни послѣ нелегкой хирургической операціи, извлекшей изъ моей раны три небольшія острые косточки, и свободно уже владея раненой ногой, мое охотничье сердце затосковало отъ долгаго «поста». Время было осеннее, прохладное, лучшее время для охоты съ гончими. Мои два брата, также завязтые охотники, тоже томились долгимъ бездѣйствіемъ, выжидая моего выздоровленія, и вотъ въ одинъ прекрасный день я заявилъ имъ, что завтра ѣдемъ на охоту поблизости, въ сосѣднихъ горахъ, гдѣ всегда можно было найти козловъ, а иногда попадались и олени, но кабаны встрѣчались очень рѣдко, что въ данную минуту было мнѣ совершенно по душѣ, такъ какъ впечатлѣніе предшествовавшей «неудачной» охоты было еще слишкомъ свѣжо.

Мы выѣхали къ предназначенному мѣсту въ числѣ семи стрѣлковъ и четырехъ смычковъ гончихъ. Заняли гай, разставили цѣпь и подали сигналъ пускать собакъ. Не прошло еще и нѣсколькихъ минутъ, какъ на полугорѣ, прямо передо мною, шагахъ въ 500, раздался громкій лай на мѣстѣ того же самаго алазанскаго «Агласа», виновника моего недавняго пораженія. Къ нему стали подваливать голоса другихъ гончихъ, и вскорѣ заорала вся стая. Понятно было, что собаки напали или на кабана, или на медвѣдя; послѣдній бы еще ничего, но первый... и глаза мои поспѣшно прискивали вокругъ удобнаго прикрытія. Чувство самосохраненія сказалось какъ-то ужъ слишкомъ рѣзко... Къ счастью, мое волненіе длилось не долго: стая залилась сильнѣе, и гонъ направился не ко мнѣ,

а назадъ, въ гору. Я вдохнулъ свободнѣе. На вершинѣ горы стоялъ одинъ изъ моихъ братьевъ, Николай. Вскорѣ раздалось тамъ два глухихъ выстрѣла. Гонъ удалялся все дальше и дальше, перевалилъ за гору и заглохъ. Братъ закричалъ мнѣ съ горы.

— Переведи скорѣе стрѣлковъ направо въ ущелье, тамъ собаки держатъ стадо кабановъ.

Стадо, положимъ,—не одинецъ, но все-таки... Однакожъ некогда было терять время на раздумье. Крикнувъ «гопъ, бай», мы побѣжали къ ущелью. Поставивъ стрѣлка, другого, сталъ и я на самой падинѣ, а остальныхъ направилъ дальше. Собаки отзывались порознь въ разныхъ мѣстахъ ущелья. Надъ самымъ ущельемъ, на высокой отвѣсной скалѣ стоялъ Николай и, завидѣвъ меня, подалъ голосъ:

— Береги, кабанъ идетъ прямо на тебя!

Такой, всегда радостный для охотника окликъ на этотъ разъ заставилъ меня вздрогнуть и моментально вскочить на случившійся тутъ пенекъ аршина въ полтора вышиною и такой толщины, что я могъ держаться на немъ только на одной ногѣ.

— Береги, идетъ прямо на тебя! — повторилъ братъ.

Впереди закачались кусты, слышался близкій шорохъ и шагахъ въ 25-ти отъ меня зачернѣлся бокъ кабана переднею частью. Я тщательно прицѣлился, хотя дрожь пронимала меня порядочно, выстрѣлилъ, потерялъ балансъ и упалъ съ пенька. Быстрѣе бѣлки я вскочилъ на пенекъ, куда подѣвалась и залезалость и слабость раненой ноги. Торопливо заряжая пустой стволъ своего шомпольнаго ружья, я всматривался въ то мѣсто, гдѣ видѣлъ звѣря: тамъ только колыхалась высокая трава; но скорѣе я разглядѣлъ громадную голову кабана съ поднятыми широкими ушами; торопливо послалъ я въ нее вторую пулю и опять грянулся съ пенька. Снова вскочивъ на него, вглядываясь и вслушиваясь впередъ, я понемногу началъ успокаиваться: около меня кругомъ было уже совершенно тихо. Наблюдая за моею суетою, братъ не выдержалъ и крикнулъ мнѣ со скалы:

— Чего ты разстрѣливаешь его, онъ убитъ первымъ же выстрѣломъ!

И, дѣйствительно, свѣжеваніе звѣря показало, что первая пуля прошла у кабана сквозь сердце, но могучій звѣрь имѣлъ еще силы поднять голову и выманилъ у меня вторую пулю, засѣвшую у него въ головѣ подъ ухомъ. На дрогахъ уже лежало двѣ штуки: годовалый поросенокъ, убитый братомъ Николаемъ, и шумовой козелъ — Константиномъ.

Съ той поры хотя и тоскливо было мнѣ оставаться «не у дѣлъ», когда случалось гончимъ держать звѣря на мѣстѣ, но горькій опытъ осиливалъ страсть. Развѣ ужъ слишкомъ близкій лай и удобная мѣстность соблазняли меня на подходъ, но и тутъ чаще какъ-то такъ случалось, что меня опережали другіе, болѣе отдаленные стрѣлки.

А. III.

(Продолженіе слѣдуетъ).

